ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Религиозный туризм в зеркале субстанциального и когнитивного подходов в религиоведении

Асратян Н. М., Галиев Р. М., Красильников В. А.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть потенциал субстанциальной и когнитивной методологий в религиоведении в контексте изучения теории и практики религиозного туризма. В статье показано, что анализ этой специфической сферы базируется на разноплановых методологических принципах. При этом теоретический и прикладной инструментарий общих религиоведческих концепций существенно важен для осмысления природы и практики религиозного туризма. Научная новизна заключается в том, что впервые исследование феномена религиозного туризма фокусируется на оценке путешествий с точки зрения полярных методологических подходов – субстанциального как бескомпромиссно антиредукционистского и когнитивного как современной разновидности натуралистического редукционизма. Эта полярность заключается в определении того, чем является религия – особым уникальным самостоятельным объектом или эволюционным продуктом работы мозга. Отсюда очевидна полярность философских оснований: субстанциальный подход, признающий религию важным аспектом индивидуального и общественного бытия, изучает ее сущность преимущественно в онтологическом ключе, а когнитивизм по-своему в духе физикализма разрабатывает религиоведческую гносеологию. Это сказывается и на подходах к пониманию религиозного туризма. В теории субстанциализма путешествие изучается как духовный поиск, и на практике оно должно наполняться сакральным смыслом. Когнитивная теория призвана анализировать, как мозг туриста считывает религиозные символы, а практика ориентирована в основном на познавательные цели. В работе обосновывается тезис о том, что различие методологических подходов позволяет расширить, усложнить, сделать более многогранным осмысление духовной мотивации и сложной психологии современного путешественника. Но в то же время сложные процессы в сфере современного религиозного туризма, где сакральное и светское все менее противоречат друг другу , могут содействовать исследовательскому сдвигу в сторону постепенного сближения различных методологий.

EN

Religious tourism through the lens of substantialist and cognitive approaches in religious studies

N. M. Asratyan, R. M. Galiev, V. A. Krasilnikov

Abstract. The purpose of this research is to explore the potential of substantialist and cognitive methodologies within religious studies, specifically in the context of the theory and practice of religious tourism. The article demonstrates that the analysis of this distinct field relies on diverse methodological principles. Furthermore, the theoretical and applied tools derived from general religious studies concepts are essential for understanding the nature and practice of religious tourism. The scientific novelty of this work lies in its focus: for the first time evaluating religious travel is done through the lens of two polar methodological approaches. The first one is a substantialist approach, which is uncompromisingly anti-reductionist, and the second approach is a cognitive one, which represents a modern form of naturalistic reductionism. This polarity hinges on how religion is defined: either as a unique, autonomous entity, or as an evolutionary product of brain function. Consequently, there is a clear divergence in philosophical foundations: the substantialist approach, which views religion as a significant aspect of individual and social existence, examines its essence primarily in ontological terms, whereas cognitivism – rooted in physicalism – develops an epistemology of religion. This distinction also shapes approaches to understanding religious tourism. Within the substantialist framework, travel is interpreted as a spiritual quest, ideally imbued with sacred meaning in practice. Cognitive theory, by contrast, analyzes how a traveler's brain processes religious symbols, while the corresponding practice is largely oriented toward educational objectives. The study argues that the interplay between these different methodological approaches allows for a more nuanced, complex,

Научная статья (original research article) | **https://doi.org/10.30853/mns20260289**

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

and multifaceted understanding of the spiritual motivations and intricate psychology of the contemporary traveler. At the same time, however, complex processes within the realm of contemporary religious tourism – where the sacred and the secular increasingly cease to be in conflict – may foster a shift in research toward a gradual convergence of different methodologies.

Введение

Масштабы религиозного туризма, одного из древнейших видов туризма, в последние десятилетия значительно выросли, что обусловливает актуальность исследования этого явления. Его глубокие исторические корни обнаруживаются в традициях средневекового паломничества (Encyclopedia of Medieval…, 2010), а в современной индустрии гостеприимства оно имеет статус самостоятельного направления (Encyclopedia of Tourism, 2016).

Многочисленные работы, описывающие его, выявляют разнообразные и противоречивые аспекты. Но как показал осуществленный испанскими исследователями мета-обзор 500 источников, индексируемых в наукометрической базе Web of Science, в этом массиве изученных данных за пятилетний период (2019-2023 гг.) отчетливо преобладает анализ опыта спроса и предложения в изучаемой области. Так, более половины работ (55%) посвящены изучению спроса на религиозные туристические направления и мотивации путешественников. Ещё 43% анализируют предложения, то есть сами направления и их инфраструктуру. Лишь 1% исследований – это обзоры литературы, ещё 1% – теоретические исследования (Calvo, Cervi, Rodriguez, 2024).

Действительно, научная литература изобилует исследованиями огромного разнообразия видов, форм и направлений современного религиозного туризма. Однако вследствие указанной диспропорции представляемое эмпирическое богатство с трудом подвергается теоретической рефлексии, не просматривается движения к сколько-нибудь строгой единой методологии.

Существующая разрозненность подходов связана, с одной стороны, с известной оторванностью тематики религиозного туризма от методологических аспектов религиоведения, а с другой, – с тем, что сама религиоведческая методология в настоящее время находится в процессе бурной трансформации, представляет собой крайне плюралистичную картину и содержит в себе растущее число направлений и подходов.

Более того, можно констатировать, что теоретические поиски в современном религиоведении направлены не столько к целям выработки общих фундаментальных методологических оснований, сколько к появлению все новых методологий и подходов. В обширной научной литературе можно обнаружить огромное множество видов и разновидностей религиоведения: эволюционное, меметическое, культурное, текстологическое, феминистское, постколониальное, критическое, прикладное, структурно-функциональное, конфликтологическое, экономическое, социологическое, экспериментальное, этнографическое, эстетическое, экологическое. Также существуют нейрорелигиоведение, религиоведение современных религиозных движений, палеорелигиоведение, компаративная мифология, медиарелигиоведение. Таким образом, методологическая трансформация в современном религиоведении носит сложный и противоречивый характер, общая концептуально-теоретическая картина далека от целостности, она остается в немалой степени разрозненной и эклектичной.

Все это не может не сказываться на такой частной исследовательской и практической области, как религиозный туризм. Но нельзя не заметить, что многие современные ученые (Афанасьев, Афанасьева, 2019; Кучумов, Печерица, Хорева, 2023; Ohlan, Ohlan, 2024; Choe, 2025), прилагают немалые усилия для методологического перехода к более сложным, многомерным и глубоким социокультурным, психологическим, междисциплинарным, цифровым принципам, их синтезу. Они постепенно уходят от классического позитивизма (простого описания маршрутов, опросов и анкетирования на входе в храмы и другие религиозные дестинации), но при этом оказываются перед лицом безбрежного методологического плюрализма.

Отсюда перед исследователями религиозного туризма встает ряд задач. Прежде всего необходимо из обширного множества подходов вычленить и определить такие базовые методологии, которые позволяют наиболее эффективно теоретически изучать и практически развивать религиозный туризм. Нами предпринята попытка опереться на два методологических подхода – субстанциальный и когнитивный. Из этого вырастают новые задачи: осуществить компаративный анализ этих исследовательских программ на основе бинарных оппозиций, характеризующих их основания; изучить специфику экспликации религиоведческих методологий на теоретическое осмысление и практическую организацию религиозного туризма.

Будучи фундаментальными исследовательскими программами, эти две методологии построены на противоположных идейных принципах.

Мировоззренческие основания субстанциализма, где религия признается объективной духовной реальностью, близки к идеализму, тогда как когнитивизм, считающий религию продуктом эволюции мозга как материального субстрата, является материалистической концепцией.

Философско-теоретический взгляд на религию с позиций субстанциализма представляет собой *онтологическое* измерение сущности сакрального бытия, а когнитивизм является религиоведческой *гносеологией*, исследующей процесс познания, конструирования и репрезентации мышлением религиозных образов.

Кроме того, радикальный *антиредукционизм* субстанциальной методологии исходит из автономности и уникальности религии (sui generis), несводимости ее ни к социальным, ни к биологическим факторам. Тогда как религиоведческая когнитивистика столь же определенно *редуцирует* религию к базовым биологическим, эволюционным и когнитивным алгоритмам.

Культурно-исторический контекст сравнения методологий показывает, что сегодняшний субстанциализм является продолжением научной *традиции*, начало которой коренится в классической теологической и феноменологической парадигме раннего религиоведения. А когнитивная линия в религиоведении – это *современное* молодое направление постнеклассического периода, опирающееся на когнитивную науку и эволюционную психологию.

Экзистенциально-психологический аспект противостояния подходов состоит в трепетном переживании *сакрального* в субстанциализме, тогда как когнитивизм осуществляет *десакрализацию* пространства. Здесь изучение фокусируется не на самих переживаниях, а на их причинах – выяснении, почему это воспринимается как святое. Тогда как сами эти переживания рассматриваются как «сбой» когнитивных систем.

Наконец, *практическая проекция на индустрию путешествий* демонстрирует нам, что для субстанциализма это *паломничество,* наполненное метафизическими смыслами, а в когнитивизме ключевая цель – *культурно-познавательный туризм,* эстетический и информационный опыт.

В современной туриндустрии постепенно размывается, хотя и не стирается полностью, прежняя четкая грань между религиозным паломничеством (поиском высших смыслов) и познавательным туризмом (изучением культурного наследия), и это находит отражение в программных документах и региональных обзорах Всемирной туристской организации (Religious Tourism…, 2011; International Conference…, 2014). Граница между верой и просвещением не может исчезнуть, но, на наш взгляд, определенное сближение в практике путешествий глубинного поиска абсолютного, сакрального с туризмом, нацеленным на осмысление и усвоение символических ценностей традиции, может стать предпосылкой исследовательского сдвига в области методологии. Это может привести к тому, что при сохранении плюрализма подходов и атмосферы плодотворных обсуждений, методологическая трансформация в религиоведении будет иметь характер сближения и конвергенции.

В нашем исследовании применен комплекс методов, обеспечивающих разностороннее изучение современного религиозного туризма: системно-исторический анализ научной литературы по проблематике религиозного туризма; сравнительный анализ методологических подходов в религиоведении; систематизация существующих исследовательских парадигм; анализ практик современных исследований религиозного туризма.

В работе использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, классификации и систематизации научного материала, что обеспечило достоверность полученных результатов.

Теоретическую базу статьи составляют исследования, сформировавшие методологические векторы, которые в значительной мере определяют современное состояние религиоведения и содействуют развитию и углублению частнотеоретических подходов в изучении религиозного туризма. Прежде всего это классические работы, имеющие концептуальное значение для религиоведческого субстанциализма (Тайлор, 1989; Отто, 2008; Элиаде, 1994; Pals, 2005) и когнитивизма (Lawson, McCauley, 1990; Guthrie, 1993; Буайе, 2016; Atran, 2005; Whitehouse, 2004).

Статья опиралась также на значительный массив эмпирических исследований, обобщающих различные практические аспекты религиозного туризма (Andriotis, 2009; Smith, 1992; Abbate, Di Nuovo, 2013; The Routledge Handbook of Religious…, 2021).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в преподавании университетского курса религиоведения, а также в совершенствовании управления в сфере религиозного туризма.

Обсуждение и результаты

Изменения, происходящие в современном религиоведении, привели к существенному обогащению наших знаний о религиозной форме сознания, о противоречивых процессах становления и развития религий, о религиозной культуре в прошлом и настоящем. Но, как уже отмечалось, эти трансформационные процессы подвели религиоведение также к состоянию крайнего плюрализма разнородных методологических подходов. Для исследований в области религиозного туризма это означает, что ключевой целью должен являться такой методологический поиск, который позволил бы синтезировать социокультурные, коммуникационные и психологические аспекты исследований жизнедеятельности современного человека как путешественника.

Ниже будут раскрыты основные аспекты тех теоретико-методологических подходов в современном российском и мировом религиоведении, которые, на наш взгляд, в существенной степени способны выполнить эту задачу: субстанциальный и когнитивный.

Эти методологические инструменты не только определяют направленность, характер и способы общетеоретического изучения ключевых сторон религии и религиозной жизни, но их экспликация в тех или иных областях знания и практической деятельности, включая религиозный туризм, позволяет осуществить их концептуализацию, приведение в целостную систему. При этом сами методологические подходы могут быть предметом острых дискуссий.

Субстанциальный (сущностный, эссенциальный) подход изначально был призван выделить и раскрыть в религии ее имманентное содержательное ядро, объективную, уникальную, несводимую ни к чему другому религиозную основу (субстанцию), атрибутивный признак, без которого явление нельзя считать религией. Исходной посылкой субстанциальной методологии является убеждение в том, что:

– религия автономна и уникальна, ее невозможно полностью объяснить через исторические, экономические, социальные, психологические факторы;

– основу религиозного опыта составляет непосредственная духовная связь человека со священным (трансцендентным, сверхъестественным, нуминозным);

– анализ и понимание этого внутреннего мистического опыта и есть первоочередная задача исследователя, а описание ритуалов имеет гораздо меньшее значение.

Однако исследователи, опирающиеся на субстанциализм, под сущностью религии понимают разное: веру в сверхъестественное (Тайлор, 1989), человеческое ощущение зависимости от Бога (Шлейермахер, 1994), нуминозное (Отто, 2008), предельную заботу человека о смысле бытия (Тиллих, 1995) .

Из-за больших расхождений между сторонниками данной методологии она подвергается критике и отвергается оппонентами из других научных школ как слишком схематичная, не учитывающая связь религиозных мировоззрений и практик с культурным многообразием. В частности, американский антрополог Клиффорд Гирц (Geertz, 1983) полагает, что любое «сущностное» определение неизбежно оказывается слишком узким или культурно предвзятым: то, что подходит для одной традиции, не работает для другой. И приходит к выводу, что нет смысла искать единую сущность всех религий, а необходимо находить в каждой из них соответствующий культурный код (Geertz, 1983).

Однако вряд ли можно безоговорочно с этим согласиться, поскольку при любом разнообразии исторических и культурных контекстов людям свойственно стремление к постижению сущностных начал любого явления, инвариантного при изменяющихся условиях, тем более столь значимого, как религия. Поэтому, несмотря на разностороннюю критику, субстанциальный подход сохраняет функцию базовой методологической установки: он предельно четко задаёт, что именно исследователь считает релевантным объектом изучения.

Субстанциальный подход складывался в рамках немецкой теологической традиции и британской эволюционистской концепции культуры.

Фридрих Шлейермахер (1768-1834), будучи протестантским теологом, вдохновлялся поиском глубинной, устойчивой основы (субстанции) религии, того, что делает религиозный опыт уникальным и отличает его от других сфер человеческой жизни – науки, права, морали, искусства. Этот поиск подводит его к понятию благочестия (frömmigkeit), которое становится ключевой категорией его философии религии (Schleiermacher, 1999). Им предложено следующее определение: «Благочестие есть то, что мы сознаем самих себя как абсолютно зависимых или, что означает то же самое, как находящихся в отношении с Богом» (Schleiermacher, 1999, S. 23). Это особое состояние человека – чувство бесконечного, или чувство абсолютной зависимости индивида от универсума (мирового целого).

Само по себе благочестие, будучи сущностью религии, не является ни чистым созерцанием (метафизикой), ни теоретическим знанием (наукой), ни чистым действием (моралью), а являет собой непосредственное, интуитивное переживание связи конечного (человека) с бесконечным (универсумом, Богом).

При этом чувство (Sinn) понимается не в эмоционально-аффективном смысле, а выражает более глубокий слой сознания – то, что предшествует его дифференциации на познание, волю и собственно чувство. Это мистическая первооснова, в которой еще нет жесткого разделения на субъект и объект. Именно в этом чувстве человек осознает свою зависимость от чего-то большего, от бесконечного.

Защищая религию от деятелей эпохи Просвещения, Шлейермахер (1994) доказывал, что у религии есть собственная, автономная сфера в человеческой душе, которую нельзя свести к рациональным аргументам или моральным предписаниям. Тем самым, будучи основателем субстанциализма, он заложил начала также и феноменологического подхода, который смещает исследовательский фокус поиска сущности религии к анализу самого религиозного опыта (Шлейермахер, 1994). Его идея о том, что в основе религии лежит нечто глубинное и невыразимое в чистых понятиях, оказала огромное влияние на последующую мысль.

В поисках универсального критерия для сравнения религий разных народов Э. Б. Тайлор (1832-1917) пришел к выводу: вера в сверхъестественное (духовные существа) есть «минимальное определение» религии; все религиозные традиции – тотемизм, фетишизм, а впоследствии политеизм и монотеизм – эволюционировали из анимизма как своего общего корня (Тайлор, 1989). Религия не есть иррациональное чувство, напротив, вера – это стремление древних людей найти рациональные (на основе их знаний) ответы на фундаментальные вопросы, их попытка осмыслить мир (Тайлор, 1989). Поиск у всех религий общих фундаментальных начал, единого культурного «ядра» и есть самый существенный признак субстанциалистской методологии. Но также очевидно, что субстанциализм Тайлора вырастает на основе сравнительного метода.

Рудольф Отто (2008) воспринял взгляды Ф. Шлейермахера (1994) о базисном, субстанциальном характере глубинного измерения религиозного опыта, невыразимого в рациональных понятиях. Его рассуждения, связанные с поиском фундаментальных начал религии, более акцентированно направлены в феноменологическую область. Он ввел категорию numinosum (нуминозное) как субстанциальную основу религии, раскрыв ее через феноменологию человеческих переживаний – чувства трепета (mysterium tremendum) и очарования (mysterium fascinans). Нуминозное – это сущность религии, рационально непостижимое чувство божественного присутствия, вызывающего одновременно ужас и восхищение (Отто, 2008).

Центральная категория экзистенциальной теологии Пауля Тиллиха (1995), посредством которой он ищет универсальное определение веры и религии, – это «предельная забота» или «предельный интерес» (*англ.* ultimate concern). Это то, что имеет для каждого человека абсолютный и безоговорочный смысл, во имя чего он готов жертвовать всем остальным, от чего зависит само его бытие или небытие. Поиск субстанциальных определений сущности религии П. Тиллих осуществляет в контексте экзистенциально-феноменологической парадигмы. Он полагает, что вера и есть состояние предельной заинтересованности: эти понятия для него,

по сути, синонимичны. Это наиболее центрированный акт человеческой души, в котором воедино сливаются разум, воля, эмоции и бессознательное человека. Если он теряет этот внутренний стержень, его жизнь проваливается в пустоту и бессмысленность. «Предельная забота» требует от человека предельной отдачи. Все остальные повседневные («предварительные») интересы (физический комфорт, экономический успех, общественное положение, политические амбиции) должны быть либо подчинены предельному интересу, либо отвергнуты ради него. Но принесенные жертвы помогают человеку достичь подлинного, абсолютного смысла существования (Тиллих, 1995).

Мирча Элиаде (1994) с позиций субстанциального анализа разработал концепцию разделения мира на «священное» (сакральное) и «мирское» (профанное), где сакральное – сфера подлинного бытия, вечного, идеального и божественного, а профанное – сфера повседневного, обыденного, преходящего и не имеющего религиозного значения. Религия раскрывается в иерофании, то есть проявлении сакрального в профанном, в земной реальности – камнях, деревьях, космосе.

Отказ от линейных философско-исторических схем Гегеля и Маркса, которые он называл «террором истории» (“la terreur de l’histoire”), обращение к более продуктивному и ценному, с его точки зрения, представлению о цикличности мифологического времени, подвели М. Элиаде (1998) к синтезу субстанциализма и религиоведческой феноменологии. Он стал основой разработанного автором собственного метода дескриптивно-компаративного исследования религиозных феноменов.

Субстанциальный аспект концепции М. Элиаде (1999) состоит в понимании сакрального как первичной, объективной и трансцендентной реальности. Сакральное – это фундамент бытия, противостоящий хаосу, а не социокультурный или психологической конструкт. А инструментом экспликации модусов проявления этой субстанции служит феноменологический подход. Элиаде изучает конкретные эмпирические модусы проявления трансцендентной реальности (мифы, ритуалы, символы), избегая оценочного редукционизма, реконструируя чистый опыт верующего. Концепция иерофании М. Элиаде является синтезом, объединением обоих подходов, показывающим, как неопределимое Сакральное (субстанция) выражает себя через конкретные явления (феномены) профанного мира (Элиаде, 1999).

Так Элиаде (1999) соединяет сущность религии с ее проявлениями в разных исторических контекстах: феноменология давала ему богатый эмпирический материал и структуру, а субстанциализм – глубокий онтологический смысл и объяснение универсальности религиозных констант (таких как архетипы или миф о вечном возвращении) сквозь века и культуры.

В исследованиях религиозного туризма методологический акцент субстанциализма на максимальную ясность сущностного «ядра» проецируется на ряд ключевых принципов научного анализа, исходным основанием которого является недопустимость смешения религиозного и светского начал:

1. *Разграничение мотивации* (паломник – турист): подход, призванный полностью отделить истинное паломничество (поиск божественного совершенства, духовное очищение, контакт со святыней) от культурно-познавательного туризма, где религиозный объект выполняет лишь эстетическую функцию.

2. *Концептуализация «священного пространства»:* субстанциальный подход фокусирует исследовательское внимание к дестинации не просто как к географическому месту или части туристической инфраструктуры, а как к иерофании – пространству, обладающему для путешественника особым онтологическим статусом, месту проявления божественного.

3. *Аутентичность опыта:* изучению подвергается подлинность и глубина экзистенциального переживания трансцендентного. Здесь субстанциальный подход помогает ответить на вопросы: насколько опыт туриста соответствует «подлинному», сущностному опыту последователей традиции? Как коммерциализация (оформление поездок, сувениры, массовые мероприятия) влияет на сакральный смысл места? Почему для внутреннего мира паломника чрезвычайно важно физическое соприкосновение со специфической субстанцией (мощами, святой водой, реликвиями), а не просто эстетическое переживание, визуальное ознакомление с объектом? Есть ли в опыте туриста тот самый «религиозный стержень», или поездка свелась к чисто светскому, потребительскому опыту?

Теоретические основания субстанциального осмысления посещения священных пространств и мотивации путешественников заложены классиками религиоведения и развиты современными исследователями туризма.

В работе «Священное и профанное» М. Элиаде (1994) раскрыта структура священного пространства, специфика паломничества как возвращения к «истокам» и выхода из мирского времени.

В. Тёрнер и Э. Тёрнер (Turner, Turner, 1978) исследуют паломничество через призму лиминальности, то есть кризисного, переходного, пограничного состояния психики человека. Субстанциальный подход фокусирует исследование на глубоком внутреннем преображении верующего в процессе движения к сакральному центру от привычного социума через переживание глубокого кризиса, внутреннего обновления, возвращения домой «другим человеком» (Turner, Turner, 1978). Авторы выделяют в паломничестве три этапа: отделение (уход из обыденной жизни, путь к святому месту), собственно лиминальность (пребывание в сакральном пространстве, где рушатся обычные социальные иерархии – статус, роль, нормы) и реагрегация (возвращение домой с новым опытом). В ключевой, лиминальной фазе возникает «коммунитас» – состояние сплоченности, когда участники чувствуют глубокое единство, равенство и спонтанную связь, свободную от повседневных социальных барьеров. Правда, отмечается, что в паломничестве сосуществуют и равенство, и неравенство, и сотрудничество, и конкуренция, то есть лиминальность создает пространство для трансформации, но не отменяет всю сложность человеческих отношений.

В своей статье священник РПЦ А. А. Реутов (2021) раскрывает дуализм восприятия святых мест через призму их субстанциально-сущностного (для верующих онтологического) статуса. Он показывает, как субстанциальные критерии религиозного сознания меняют характер оценки туристического продукта: для паломника объект – это живая святыня и пространство иерофании, а для обычного туриста – культурный артефакт (Реутов, 2021).

В эмпирическом плане субстанциальный подход часто подталкивает к переходу от традиционных опросов к качественным методам. Преобладавшие длительное время в изучении туризма обычные анкетные опросы стали подвергаться критике за их поверхностность, особенно при работе с трансцендентным и сакральным опытом. Качественные методы – глубинные интервью, включенное наблюдение, анализ нарративов путешественников – используются, чтобы раскрыть, изучить субъективный, внутренний опыт, а не только описывать внешние действия (Coleman, Jong, 2021; Progano, Kato, Sheer, 2021).

Таким образом, субстанциальный подход – весьма эффективное исследовательское средство, которое помогает сфокусироваться на сути явления, выделить религиозное измерение в потоке туристических практик. Однако современное религиоведение и исследования в области религиозного туризма этим не ограничиваются, и чтобы картина получилась широкой и многогранной, необходимо рассматривать более многообразный спектр методологического инструментария.

Когнитивный подход относится к числу новейших течений в религиоведении и коренным образом отличается от изложенных выше религиоведческих методологий, где при всех их различиях религия рассматривалась как особая форма сознания, уникальный социокультурный конструкт, имеющий как онтологические, так и эпистемологические корни. Когнитивистская парадигма сложилась на стыке естественных наук (эволюционной биологии, нейрофизиологии, антропологии) и ряда гуманитарных направлений (когнитивной психологии).

Она объясняет религию под явным влиянием философского физикализма, служащего для нее онтологическим фундаментом: в мире «все является физическим» и «ничего сверх» физического нет, а все ментальные состояния (религиозные идеи и чувства, видения, ритуалы, вера в богов) полностью редуцируемы к физическим процессам в мозге. Исходя из этой посылки, когнитивизм полагает, что религиозный опыт – это сформированный в процессе эволюции продукт работы мозга как биологического органа, специфическое состояние нейросети, а не контакт с трансцендентным миром. Этот опыт также не имеет никакой связи ни с социально-экономическими факторами (как в марксизме), ни с культурными кодами (как в постмодернизме). Когнитивисты утверждают, что социальные и экономические теории бессильны объяснить, почему человеческий мозг генерирует религиозные образы, в том числе антропоморфных богов.

Видные представители когнитивистики в религиоведении Паскаль Буайе (2016) и Джастин Барретт (Barrett, 2007) полагают, что в процессе эволюции человеческий вид сформировал адаптивные когнитивные механизмы, частью которых и являются религиозные представления. Религия здесь рассматривается как «побочный продукт» или приспособительный элемент эволюции наших когнитивных систем. Исследователи объясняют с позиций своей концепции, что человеческий мозг содержит в себе врожденную интуицию обнаруживать (или воображать) в неодушевленной природе одушевленные начала – своего рода агентов: духов, богов. Эта врожденная установка объясняет представления о богах и духах как о суперагентах, управляющих миром (Буайе, 2016; Barrett, 2007).

Таким образом, в сложившейся когнитивной науке о религии (Cognitive Science of Religion – CSR) последняя считается одним из обычных когнитивных механизмов, функцией человеческого мозга. Религиозные идеи и практики необходимы и эффективны, поскольку они способны активировать базовые процессы мышления (рассуждения на основе категорий рассудка, память). Они возникают из естественных процессов мышления, особенно из тенденции человека искать причины за неясными событиями и персонализировать неживые объекты.

Впрочем, в религиоведческом когнитивизме возникают и существенные внутренние трудности. Общий физикалистский взгляд исходит из принципа материалистического монизма («в мире кроме и сверх физического ничего нет»), а методологически вытекающая из него когнитивистская парадигма описывает механизмы, относящиеся в том числе к религии, как сложившиеся в процессе естественной эволюции мозга. Но в таком случае физикалистский когнитивизм должен объяснить, почему люди эволюционно сформировались не как физикалисты, а как дуалисты.

Это признает, в частности, когнитивный религиовед Пол Блум: человеческий мозг эволюционно развивался именно как врожденный дуалист, и люди с детства автоматически делят мир на «тела» (физические объекты) и «души» (намерения и мысли агентов), и поэтому физикализм тяжело дается человеческой психике. А это является причиной того, что физикализму и опирающемуся на него когнитивизму трудно объяснить, почему люди во всех культурах естественным образом приходят к вере в бессмертную душу и богов (Bloom, 2004).

Когнитивная наука о религии (CSR) оказала мощное влияние на исследования в области туризма и паломничества. Традиционно религиозный туризм изучался через призму социологии, культурологии или экономики (как поиск идентичности, социальный ритуал или экономическое явление). Религиоведческий когнитивизм сместил фокус внимания на внутренние (нейробиологические) механизмы человеческого разума и стал объяснять, *почему* определенные места, ритуалы, объекты, визуальные и слуховые образы вызывают у туристов сильные эмоции и религиозный отклик, и как особенности нашей эволюционировавшей архитектоники мозга детерминируют паломнический опыт.

Объясняя сакрализацию пространства через механизмы памяти, когнитивисты утверждают, что человеческий мозг лучше всего запоминает и транслирует информацию, которая является *минимально контринтуитивной (MCI)*. Автор теории MCI-концептов Паскаль Буайе (2016) утверждал, что наш мозг содержит несколько

базовых интуитивных категорий: «человек», «животное», «растение», «физический объект», «инструмент». А идеальный религиозный или мифический персонаж создается путем *минимального нарушения* этих базовых правил. Он должен на 95% соответствовать нашим интуитивным ожиданиям (то есть быть в целом логичным) и лишь на 5% нарушать их. Так появляются и укореняются в памяти MCI-концепты, например, плачущая статуя, неиссякаемый источник, место явления святого и т. д. По убеждению П. Буайе (2016), MCI-концепты побеждают в культуре просто потому, что они лучше запоминаются. В туризме этот метод объясняет, почему одни локации становятся мировыми центрами притяжения («магнитами»), а другие забываются. Туристические дестинации исследуются как «когнитивные якоря», которые активируют эволюционные механизмы поиска смыслов (Буайе, 2016).

В том же ключе рассуждал Дэн Спербер (Sperber, 1996), разработавший модель «эпидемиологии репрезентаций» с целью раскрыть механизм распространения религиозных идей в культуре. Устойчивость идей и практик благочестия объясняется не их сакральностью, а минимальной контринтуитивностью. Они слегка нарушают наши привычные представления, поэтому цепляют внимание, прочно оседают в памяти и передаются подобно вирусам (Sperber, 1996).

Однако эта теория подверглась критике в рамках самой религиозной когнитивистики. Антрополог С. Атран (Atran, 2005) показал, что «эффект памяти» важен, но дело не только в ней. Многие нерелигиозные сюжеты и образы (сказки, комиксы, анекдоты) тоже наполнены MCI-концептами (Колобок – говорящий кусок теста, Микки Маус – говорящая мышь). К тому же эти образы тоже неплохо запоминаются, но они не становятся объектами почитания и поклонения, им не строят храмы, не приносят жертвы.

Важнее памяти, считает С. Атран (Atran, 2005), – особый эмоциональный строй и экзистенциальный компонент. Религиозные MCI-концепты укореняются в сознании не потому, что они немного нарушают базовые интуиции, а потому, что они активируют эволюционные модули, связанные с фундаментальными для человека вопросами жизни и смерти, страхом, мощным экзистенциальным стрессом, мыслями о выживании. Настоящий бог должен вызывать глубокие раздумья, сильные переживания, а не просто легко запоминаться. Успех религиозной идеи не только в ее «противоинтуитивности», но и в том, как она встраивается в культурный контекст (Atran, 2005).

Как видим, в работах С. Атрана (Atran, 2005) по когнитивной антропологии обнаруживается заметный сдвиг исследовательского внимания от «чистого» когнитивизма к учету социального контекста, групповой динамики, культурных, мотивационных и эмоциональных факторов.

Однако дискуссия не дискредитировала значимость когнитивистских подходов в контексте религиозного туризма, она, напротив, способствовала переходу от умозрительного конструирования к комплексному анализу религиозной культуры, включая ее социальные, эмоциональные и институциональные измерения.

В прикладных исследованиях разработки П. Буайе (2016) применяются для дифференциации туристических локаций по критерию минимальной контринтуитивности (MCI), что позволяет прогнозировать их коммерческую и рекреационную успешность. А в соответствии с социально-когнитивной концепцией С. Атрана (Atran, 2005), мотивация паломника интерпретируется не как интенция к пассивному созерцанию MCI-объектов, а как стремление к преодолению жизненного кризиса.

Исследования паломничества показывают, что преодоление трудностей, страх перед неизвестностью и встреча со своими глубинными тревогами – это то, что отличает религиозного туриста от обычного экскурсанта. Понимание, что для осмысленного путешествия нужны не только интересные идеи, но и чувство общности, моральные ориентиры, общие мировоззренческие ценности, помогает организаторам создавать более глубоко продуманные программы, содействующие личной трансформации участников.

В практике современного религиозного туризма активно используется теория Харви Уайтхауса (Whitehouse, 2004), который делит религиозные практики на два модуса: доктринальный и имагинативный (связанный с воображением).

Доктринальный модус религиозности выражен в редких эмоциональных всплесках, но главным образом в лекциях, чтении текстов, обычных экскурсиях. Имагинативный проявляется в редких, но высокоинтенсивных эмоциональных событиях: сложных ритуалах инициации, экстремальных паломничествах. Исследователи и практики в сфере религиозного туризма изучают и используют концепцию модусов религиозности, чтобы классифицировать типы путешественников – от «интеллектуальных туристов» (доктринальный модус) до «искателей трансформации» (имагинативный модус) (Whitehouse, 2004).

Наконец, общим для всех когнитивистов, эмпирически исследующих религиозный туризм, является активное использование современных диагностических технологий для оценки психических переживаний путешественников. Инструментальные методы применяются для изучения состояния верующих: фиксируется пульс с помощью датчиков, анализируется концентрация гормонов стресса, проводится ФМРТ-сканирование мозга. Так реализуется ключевой физикалистский принцип: постичь духовный опыт человека можно через исследование его физиологических показателей.

Заключение

Для концептуального осмысления феномена религиозного туризма необходим не безграничный методологический плюрализм, сложившийся в современном религиоведении, а обращение к базовым религиоведческим стратегиям, способным связать фундаментальную теорию с практикой.

Субстанциальный подход остается важнейшим аналитическим средством разграничения сакрального и профанного. В сфере туризма он позволяет четко отделить глубинную религиозную мотивацию паломника от стремления экскурсанта к познанию, представить туристическую дестинацию как пространство проявления священного (иерофании) и раскрыть базовую потребность человека в экзистенциальном контакте со святыней. Напротив, когнитивная наука о религии обогатила исследовательский инструментарий методами, заимствованными из естественных наук. Согласно идее Паскаля Буайе (2016) о минимальной контринтуитивности, предания о чудесах создают устойчивые «когнитивные якоря», определяющие притягательность религиозных центров. Социально-когнитивный подход Скотта Атрана (Atran, 2005) и теория модусов Харви Уайтхауса (Whitehouse, 2004), в свою очередь, переориентируют внимание: вместо пассивного восприятия образов акцент делается на стремлении индивида к преодолению экзистенциальных кризисов и регулировании силы эмоциональных переживаний.

Теоретические дихотомии, упорядочивающие концептуальное пространство философии религии, находят сегодня свое прямое, онтологическое воплощение в живой практике индустрии путешествий. Рассмотренные оппозиции сакрального и десакрализованного, сущностного и функционального перестают быть умозрительными конструкциями, когда овеществляются в реальных поведенческих стратегиях и мотивах современных путешественников. Туриндустрия XXI века постепенно размывает, хотя и не стирает полностью некогда незыблемую границу между классическим паломничеством, укорененным в субстанциальном поиске Абсолюта, и культурно-познавательными путешествиями, имеющими эстетические и информационные цели. Эмпирическое сближение сакрального и мирского в рамках единого маршрута не просто фиксирует новые социокультурные реалии, но и выступает главным источником методологического сдвига в религиоведении.

Перспективным вектором дальнейших исследований видится построение конвергентных моделей, содействующих прямой корреляции между объективными, онтологическими свойствами сакрального пространства и субъективными нейробиологическими реакциями путешественника. Практическое сближение субстанциального и когнитивного подходов открывает новые возможности для туристической отрасли, осуществляясь в технологиях нейромаркетинга пространств и проектировании маршрутов личностной трансформации. При этом учитывается как глубинная ценностная значимость сакрального пространства, так и особенности когнитивного восприятия среды человеком. Таким образом, от возможности постепенного сближения и диалога этих полярных методологий напрямую зависит общий процесс преодоления изоляционизма и трансформации современного религиоведения в сторону многомерного описания психологии современного путешественника.

Материалы исследования | Research materials

1. Encyclopedia of Medieval Pilgrimage Online / ed. by L. J. Taylor [et al.]. Leiden: Brill, 2010. https://referenceworks.brill.com/display/db/empo
2. Encyclopedia of Tourism / ed. by J. Jafari, H. Xiao. 2nd ed. Cham: Springer, 2016. https://link.springer.com/referencework/10.1007/978-3-319-01384-8
3. International Conference on Religious Tourism and Pilgrimage. Madrid: World Tourism Organization (UNWTO), 2014. https://whc.unesco.org/en/events/1413/
4. Religious Tourism in Asia and the Pacific. Madrid: World Tourism Organization (UNWTO), 2011. https://www.e-unwto.org/doi/book/10.18111/9789284413805

Источники | References

1. Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В. Религиозный туризм как тренд мировой и российской туриндустрии: концептуальная сущность и модели развития. // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. Т. 13. № 3.
2. Буайе П. Объясняя религию: природа религиозного мышления / пер. с франц. М. Десятовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
3. Кучумов А. В., Печерица Е. В., Хорева Л. В. Религиозный туризм в системе современных концептуальных подходов и социальных практик // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 4 (142).
4. Отто Р. Святое. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008.
5. Реутов А. А., иерей. Особенности и отличия феноменов туризма и паломничества в религиозном и светском восприятии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2021. Вып. 2. № 19.
6. Тайлор Э. Б. Первобытная культура / пер. с англ. Д. А. Коропчевского. М.: Политиздат, 1989.
7. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995.
8. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи / пер. с нем. С. Л. Франка. СПб.: Алетейя, 1994.
9. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998.
10. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999.
11. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1994.
12. Abbate C. S., Di Nuovo S. Motivation and personality traits for choosing religious tourism. A research on the case of Medjugorje // Current Issues in Tourism. 2013. Vol. 16. No. 5. https://doi.org/10.1080/13683500.2012.749844

13. Andriotis K. Sacred Site Experience: A Phenomenological Study // Annals of Tourism Research. 2009. Vol. 36. No. 1. https://doi.org/10.1016/j.annals.2008.10.003
14. Atran S. In Gods We Trust: The Evolutionary Landscape of Religion. N. Y.: Oxford Academic, 2005. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195178036.001.0001
15. Barrett J. L. Cognitive science of religion: what is it and why is it? // Religion Compass. 2007. Vol. 1. No. 6. https://doi.org/10.1111/j.1749-8171.2007.00042.x
16. Bloom P. Descartes' Baby: How the Science of Child Development Explains What Makes Us Human. N. Y.: Basic Books, 2004.
17. Calvo S. T., Cervi L., Rodríguez L. M. R. Religious tourism: a meta-analysis and state-of-the-art 2019-2023 // PASOS. Revista de Turismo y Patrimonio Cultural. 2024. Vol. 22. No. 4. https://doi.org/10.25145/j.pasos.2024.22.054
18. Choe J. Religious tourism // Tourism Geographies. 2025. Vol. 27. No. 3-4. https://doi.org/10.1080/14616688.2024.2423168
19. Coleman T. J., Jong J. Counting the nonreligious: a critical review of new measures // Assessing Spirituality in a Diverse World. Cham: Springer, 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0_5
20. Geertz C. J. Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. N. Y.: BasicBooks, 1983.
21. Guthrie S. E. Faces in the Clouds: A New Theory of Religion. N. Y.: Oxford University Press 1993.
22. Lawson E. T., McCauley R. Rethinking religion: connecting cognition and culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
23. Ohlan R., Ohlan A. Religious tourism scholarship: current state and future research directions // Journal of Islamic Marketing. 2024. Vol. 15. No. 3. https://doi.org/10.1108/JIMA-05-2023-0152
24. Pals D. L. Eight theories of religion. N. Y.: Oxford University Press, 2005.
25. Progano R. N., Kato K., Sheer J. M. Visitor diversification in pilgrimage destinations // Tourism Geographies. 2021. Vol. 23. No. 4. https://doi.org/10.1080/14616688.2020.1765013
26. Schleiermacher F. Der christliche Glaube nach den Grundsätzen der Evangelischen Kirche im Zusammenhange dargestellt (1830/31). Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 1999. Bd. 1. § 4 (Leitsatz).
27. Smith V. L. The Quest in Guest // Annals of Tourism Research. 1992. Vol. 19. No. 1. https://doi.org/10.1016/0160-7383(92)90103-V
28. Sperber D. Explaining culture: a naturalistic approach. Oxford – Cambridge: Blackwell, 1996.
29. The Routledge Handbook of Religious and Spiritual Tourism. 1st ed. / ed. by D. H. Olsen, D. J. Timothy. Routledge, 2021. https://doi.org/10.4324/9780429201011
30. Turner V., Turner E. Image and Pilgrimage in Christian Culture. N. Y.: Columbia University Press, 1978.
31. Whitehouse H. Modes of Religiosity: A Cognitive Theory of Religious Transmission. Walnut Creek: AltaMira Press, 2004.

Информация об авторах | Author information

RU

Асратян Норайр Мартинович[1], к. филос. н., доц.
Галиев Рустем Мирзанурович[2], к. пед. н., доц.
Красильников Владимир Анатольевич[3], к. филос. н.
[1, 2, 3] Набережночелнинский государственный педагогический университет

EN

Norair Martinovich Asratyan[1], PhD
Rustem Mirzanurovich Galiev[2], PhD
Vladimir Anatolyevich Krasilnikov[3], PhD
[1, 2, 3] Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

[1] *norair.asratyan@gmail.com,* [2] *Galiev.RM@gmail.com,* [3] *vlkrnch@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.09.2026; опубликовано online (published online): 17.11.2026.

Ключевые слова (keywords): религиоведческая методология; религиозный туризм; субстанциальный подход; когнитивный подход; methodology of religious studies; religious tourism; substantial approach; cognitive approach.